

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ ХАРАКТЕР ЗАПАДНОГО КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ РАБОТУ В ЕВРОПЕ

В.А. Лоренц

Статья посвящена неоднозначному характеру соглашений между национальным государством, капитализмом и социальной работой. Автор анализирует то влияние, которое оказывает на социальную работу нынешний поворот капитализма к глобализации, приватизации и маркетизации социальных услуг. Политические изменения потенциально открывают новые возможности для социальной работы избежать дихотомии индивидуализм – коммунизм, которая всегда в определенной мере ограничивала рамки социальной работы. В значительной степени социальная работа еще не готова к новому витку внимания к идентичности. Там, где прежде национальная идентичность принималась как данность, заново обнаруженные различия часто воспринимались таким же образом. Понимание идентичности в социальной работе перешло в ее специализированные области, такие как работа с иммигрантами, беженцами, попытки привнести антирасизм на повестку дня под лозунгами единства и равенства. Но признание разнородности, всякий раз, когда она отделялась от исторического и политического контекста, вело к новым противоречиям.

Ключевые слова: капитализм, социальная работа, национальное государство, государство всеобщего благосостояния, глобализация, постмодернизм, идентичность

Название статьи носит весьма предсказуемый характер. Для опытных практикующих социальных работников в Западной Европе вполне очевидна та роль, которую играет в их профессии нынешний поворот капитализма к глобализации, приватизации и маркетизации социальных услуг, и это характерно для всей Европы. Речь идет об увеличении финансовых ограничений, подъеме приватизации, контроле бюджетов. Но во многом эти явления вообще не являются индикаторами перемен, по крайней мере радикальных перемен. Я утверждаю,

что глобализация – далеко не новое экономическое явление. Отношения социальной работы с экономикой никогда не были прямыми, они всегда оставались опосредованными. На мой взгляд, реальные изменения происходят в природе института посредничества – национальном государстве.

Я хочу исследовать этот вопрос, учитывая два исходных обстоятельства: (1) капитализм всегда имел тенденцию к глобализации, игнорированию национальных границ, развитию собственной динамики и установлению собственных сроков выполнения политических планов, поэтому сегодня мы являемся свидетелями нового феномена – саморазвивающегося капитализма; (2) природа самой политики, в особенности политики национальной, претерпевает изменения, что и позволяет капитализму, помимо всего прочего, с учетом этих изменений влиять на социальную работу.

Эти исходные условия важны для меня, потому что слишком часто экономические процессы и трансформации изображаются как родственные естественным процессам, например природным катаклизмам, к которым мы можем приспособиться или уменьшить в значительной мере степень их воздействия, но контролировать их, в конечном счете, мы не в состоянии. В противоположность этому я хочу сделать акцент на непрерывном влиянии политики на экономические изменения, даже если последние представляются как процессы, происходящие вне и за пределами влияния политики. Я также хочу подчеркнуть, что социальные работники, не будучи, как правило, участниками политических игр, сами становятся злополучными жертвами экономики. Они смогут оказывать реальное влияние на политический курс, как только признают, что политика, бесспорно, является неотъемлемой частью экономики.

О первых симптомах того, что влияние на социальную работу перемен, происходящих в экономической сфере, опосредовано государством, можно судить по следующему наблюдению: как только в характере социального обслуживания во всех европейских странах происходят явно выраженные модификации, можно заметить, что эти изменения обладают характерными особенностями, которые в весьма значительной степени обусловлены различными политическими культурами этих стран. Кроме того, изменения, которые изначально кажутся тождественными, могут приводить к различным результатам и иметь разное значение. Например, социальные работники в Дании задействованы в программах «активизации», которые внешне похожи на программы помощи безработным WORKFARE¹ в Великобритании и США. Но политический контекст придает их деятельности совершенно другой характер [Torfing, 1999].

Это приводит меня к другой предпосылке, касающейся изменений. Эти изменения не носят признаков абсолютного разрыва, неоднородности, сви-

¹ От work (работа) + welfare (благополучие, благосостояние). Неолиберальный курс в социальной политике, означающий, что любая программа в системе социального обеспечения (social welfare) должна быть направлена на стимулирование скорейшего выхода получателя на работу. Соглашаясь на помощь по такой программе, безработный одновременно берет на себя обязательство пройти курс обучения другой профессии, участвовать в выполнении общественных работ. – *Примеч. ред.*

детельствующих о том, что социальная работа теперь тоже вошла в стадию постмодерна, после которой объявлен конец истории. Напротив, я хочу подчеркнуть, насколько важно исследовать любые исторические изменения, но не только для того, чтобы связать кажущиеся несвязанными между собой факты в непрерывную последовательность или признать, что в действительности ничего не изменилось, но и использовать политический потенциал признания этих исторических связей. Именно в этом случае мы начинаем обнаруживать историческое и политическое значение выявленных сходств и различий, именно тогда будет особенно полезна более широкая, европейская точка зрения на социальную работу. Я попытаюсь показать, как такие наблюдения, – не апеллируя к абстрактным универсальным истинам, которые, как считается, описывают «сущность» социальной работы или «социальную работу такой, какой она должна быть», но и отказываясь воспринимать разнообразие с постсовременным безразличием, торжествуя по поводу разрушения когда-то амбициозного проекта ¹, – должны привести нас к детальным историческим рефлексиям. Социальная работа, возможно, больше, чем любая другая сфера деятельности, является нестандартной формой занятости, и не признавать влияния на нее истории, воспринимать социальную работу как деятельность, которая, по словам Агнесс Хеллер и Ференца Феера [Heller and Fehér, 1988], сама определяет свои собственные параметры без ссылки на политический или исторический контекст, означает отказываться от ее социального измерения, объявляя ее лишь общественным артефактом.

История социальной работы в Европе состоит в сложной связи с историей европейских государств. Они, в свою очередь, существуют отчасти благодаря концентрации военной мощи в руках элит, а отчасти благодаря соглашению с нарождающимся капитализмом и осторожному использованию его власти. Одержимость национальными движениями в Европе в XIX веке затронула, главным образом, те политические союзы, которые господствовали на экономически жизнеспособных территориях, за исключением, возможно, карликовых государств (Люксембурга, Лихтенштейна, Монако, Сан-Марино, Андорры). Без жизнеспособного экономического основания националистические чувства не культивировались. Капитализм, с момента своего зарождения в эпоху Ренессанса, которое началось с появления рискованных предприятий расчетливых семейств, имел широкий международный и, по стандартам того времени, мировой размах. Ему требовалось соглашение с национальным государством по двум основным причинам: для юридической – или, если возникала необходимость, то и военной – защиты контрактных принципов, на которых он основан, и в индустриальном аспекте – для воспроизводства

¹ Автор имеет в виду project Modern (проект модерна) – «современность», то есть исторически и географически обусловленную систему государственного устройства, воззрений, в основании которых лежат представления о неотвратимости, однолинейности и прозрачности модернизационного процесса в разных обществах и основанная на этих представлениях политика и практика. – *Примеч. ред.*

и обучения цивилизованной рабочей силы. Это означало, что государство в большинстве случаев неохотно, за исключением Бисмарка с его концепцией Второго Рейха в Германии, но окончательно осознало необходимость наличия по меньшей мере элементарной системы социальной политики для дальнейшего функционирования при капитализме.

Такая специфическая договоренность между национальным государством и капитализмом, для которой характерно организованное социальное обеспечение и подробно разработанная социальная политика внесла свой вклад в формирование ряда социальных и политических компромиссов, которые стали атрибутами национального государства как государства всеобщего благосостояния. Я хочу доказать, что эти компромиссы были каркасом, внутри которого социальная работа вырабатывала свои собственные особые компромиссы, учитывая определенные политические культуры различных национальных государств и режимов социального обеспечения в Европе. Далее я хочу доказать, что сегодня мы являемся свидетелями ломки выработанных национальными государствами компромиссов, к которой, как это ни парадоксально, привела свобода действий рыночной экономики благодаря мерам по социальному обеспечению. В современном сценарии собственные компромиссы социальной работы находятся под давлением, и вследствие этого, прямо или косвенно, изменяется характер связи социальной работы с государством. Все это означает фундаментальное обновление идентичности социальной работы.

Из многочисленных компромиссов, появившихся в период формирования современного, неоднозначного, эффективного и все же по своей сути непостоянного объекта национального государства, в конечном счете выступившего примером для подражания нациям по всему миру, я хочу выдвинуть на первый план следующие компромиссы, которые можно рассматривать в любой очередности, потому что они циклически связаны:

1. На *политическом уровне* наиболее очевидный компромисс был найден между идеями либерализма и различными формами коммунизма. Это две опоры, на которых, согласно Бауману, стоит современность [Bauman, 1995]. Обе идеи в каком-то смысле представляли угрозу для государства, пока они не стали частью национального проекта. Либерализм хотел ограничить функции государства до абсолютного минимума, свести их до обязанности охранять права граждан, в то время как коммунизм появился в контексте ранней эпохи трудовых споров, в период индустриализации и проявился в социалистическом и рабочем движении, а также в женском движении. Угроза, исходившая от этих противоположных полюсов, усиливалась, так как они имели международный масштаб: либерализм посредством своих деловых интересов и связанного с ним явно выраженного индивидуализма, а коллективные движения посредством поддержки и солидарности, которыми они пользовались во многих странах. Национальным государствам в той или иной степени удалось присоединить обе тенденции к обязательствам национального проекта, но их слабое сопротивление поли-

тике, в которой они приняли участие, сказалось в разрушительных последствиях Первой мировой войны, развязанной в результате этой политики.

Как следствие, возник классовый компромисс – в двояком смысле. Национальное государство, явно выстраивающее свою политику на классовых различиях, параллельно созданию либерализмом самостоятельного индивидуума, стало служить буржуазной элите, в то время как коммунизм, прирученный и тщательно контролируемый, служил массам [Bauman, 1995]. Таким образом, эта политика одновременно признавала и отрицала существование и релевантность классов, сдерживая свое обещание, данное массам, не удерживать их в коммуне, а рассматривать их как экономически и социальными независимых индивидуумов посредством рыночных механизмов, учитывая, что лишь немногие из них достигнут успеха.

Следующим был компромисс в определении понятия гражданства. Республиканские идеи сформировали формат прав, который оказался движущей силой политической агитации, исходящей как со стороны буржуазного либерализма, так и со стороны коллективизма рабочего класса, что проявилось в революциях 1848 года на европейском континенте и Чартистском движении в Англии. Там, где эти требования выдвигались, особо выделялись обязанности, которые представлялись не просто как оборотная сторона прав, если можно так выразиться, но и выступали в качестве предварительного условия их получения. Цивилизованное понятие гражданства подразумевает, что для того, чтобы претендовать на права, недостаточно просто существовать, просто быть рожденным на территории государства, – необходимо сначала «заработать» эти права.

2. Это специфическое соглашение, в свою очередь, подкреплялось особенностями развития *культуры*, которая, вероятно, больше чем что-либо другое определяет специфику национального государства. Вне сомнений, национальные государства представляют собой современное явление не только потому, что они в своем большинстве имеют весьма недавнее происхождение, которое можно отнести к концу XIX или началу XX столетий, но и потому, что они знаменуют собой разрыв с традиционными обществами, политическими и социальными принципами, которые составляют их основу. Национальные государства базируются на рациональных теориях, стремятся к демократическому формированию общей воли людей и к просвещенному набору свобод. И все же, с точки зрения культуры, социальные связи, которые, как предполагается, составляют основу современных государств, в контексте европейской культуры неизменно изображаются как древние, мифические по происхождению, как основанные на коллективном стремлении к культурному единству и однородности. Это, конечно, означает компромисс национализма в его эмансипаторской и в то же самое время репрессивной форме. Национальная идентичность, культивируемая посредством единой национальной системы образования и стандартизированного национального языка, стала средством передачи не только «традиционных» социальных ценностей, но и также их видоизмененной

современной версией, созданной не только для того, чтобы отвечать потребностям промышленности и свободной рыночной экономики. Такое двусмысленное устройство позволяло манипулировать идентичностями и приводить их в действие для осуществления особых политических целей.

Главным применением такой стратегии стала трудовая этика, основной задачей которой было трансформирование традиционного понятия гордости за выполненную работу и первоначальной стадии разделения труда, требование равноценных условий как основы идентичности и самооценки, не затрагивая при этом традиционного контекста: «Моральный крестовый поход, известный в истории как битва за *введение* трудовой этики... был, фактически, попыткой в основном *воскресить* доиндустриальные рабочие отношения в новых условиях, которые лишали их значимости» [Bauman, 1998a. Р. 7]. Другое применение – создание иерархии стандартов путем разрушения личных / культурных и коллективных / национальных идентичностей, которые вызвали рост расистского истолкования национального превосходства. С помощью этой стратегии национализм экспортировался глобально в виде колониализма, узаконивая иерархический мировой порядок на основании фальшивой замены субъективных культурных критериев на мнимые объективные научные показатели.

3. Это последнее достижение было основано на третьем компромиссе – *институциональной организации науки* для проведения исследований, изучения и применения результатов в рамках национального государства. Освобождение научной мысли от догмы, начавшееся в период Ренессанса и придавшее эпохе Просвещения свои характерные черты, направило науку по курсу универсализации, для которого не было смысла в национальных границах и традициях. Из анализа, проведенного Фуко, нам известно, что эта научная деятельность сопровождалась огромным накоплением власти, за которую с нетерпением ухватились новые режимы управления в виде национальных государств. Наука и применение научных результатов в технике стали национальным делом. Посредничество государства между национальным научным учреждением и формирующимся народным хозяйством создавало конкурентную гонку запатентованных изобретений и военных технологий. На социальном и политическом уровне возник расизм, который, используя обходные пути в виде экономического и военного успеха и рудиментов дарвинизма, дал совершенно современное, научное объяснение национального превосходства. Это был союз экономических, культурных и научных интересов, которые давали идеологии расизма разрушительную и неодолимую власть. Власть, которая постоянно приспосабливается к изменяющимся формам этого союза, доходя до той степени, которая может существовать самостоятельно и независимо от него с определенными формами национализма.

Эти различные компромиссы имеют много общего – они стабилизировали специфические отношения между универсализмом и партикуляризмом на уровне национального государства. Национальное государство придало универсальному статус частного, оно национализировало универсальные

свойства в экономике, культуре и науке. В то же самое время оно объявило частное универсальным, провозглашая свои собственные ценности, стандарты и идентичности в качестве превосходящих все прочие. Рано или поздно другие нации должны будут признать эту иерархию, которую оно установило в качестве правомерной и обязательной.

Но в контексте этих критериев социальная работа также шла на аналогичные компромиссы. Зная, что, используя схематические репрезентации, мы жертвуем нюансами, я хотел бы провести некоторые из параллелей:

1. *На политическом уровне:* с самого начала, излагая основные направления своей деятельности, используя при этом весьма бесцеремонным образом благочестивые термины, социальная работа видела свою миссию в спасении индивидов от поглощения их «массой». Беспорядки, нищета, развращенность для пионеров профессии весьма справедливо казались массовым явлением, признаками «другого мира» или «другой нации», нации изгоев, у которых всегда была возможность убежать на «землю обетованную». Эффект миссии спасения был как проявлением индивидуализма в подходе, основанном на человеческом достоинстве и готовности соответствовать «высшей», абстрактной форме коллективного, так и заново определенным основанием для исключения как формы самоисключения. Возникновение такой формы социальной работы, которая соединилась бы с уже существующим или еще зарождающимся коллективизмом рабочего класса или небуржуазным женским движением, было бы немыслимым только потому, что такая социальная работа вступала бы в противоречие с более широкой политической структурой. Проекты селтльментов¹ и образовательные общинные проекты, инициированные средним классом, стремились воссоздать сообщества, исходя из принципов среднего класса, игнорируя возникающие автономные ростки инициативы самопомощи. Однако иной тип социальной работы на самом деле существовал. Многочисленные проекты и низовые инициативы по обучению в общинах, проведение кампаний за права, практики самопомощи подтверждали и продолжают подтверждать это. Но они не выступают под знаменем социальной работы; они самоисключились из основного ее потока, сформировавшегося в пределах национального государства и в рамках его соглашений с рыночной экономикой, предусматривающих различие между отдельными предпринимателями и массами.

2. *На культурном уровне:* индивидуализм социальной работы подвергся ряду преобразований в соответствии с развитием научной парадигмы. Первоначально многое в социальной работе было организовано вокруг отдельных людей, идентичности которых содержали элементы – строительные блоки более широкой национальной идентичности. Социальная работа проводилась под влиянием религиозных или гуманитарных организаций, чьи культурные

¹ Движение селтльментов – settlement movement, settlement houses – движение по учреждению социальных центров помощи по месту жительства в конце XIX века в США и Великобритании. – Примеч. ред.

различия тем не менее сближались в решении государственно важных вопросов; подобным образом «различия» внутри женского движения среднего класса сближались посредством объединяющего их патриотизма.

Социальные работники предложили свою собственную идентичность в качестве примера для подражания (хотя бы отчасти), и зарождающаяся профессия предоставила своего рода «национальный учебный план» ценностей, аналогичных тем, которые стандартизировали школьную систему, и восполняющих разнообразные культурные пробелы тех, кто оказывался объектом ее внимания. Это масштабная деятельность по ассимиляции или, скорее, созданию национальной идентичности была нужна для «настройки» символической солидарности, от которой так сильно зависела нестабильная политическая сущность национальных государств. Механизмы инклюзии и эксклюзии, сформированные системами социального обеспечения, использовались государством в качестве источников легитимации, и они не могли достичь своей конечной цели, если исключались или включались «не те люди». В каждой европейской стране критерии, управляющие разграничением между «достойными» и «недостойными» бедными, определялись сочетанием экономических факторов (трудовая этика) и призывами к национальной гордости. Заметим, что эта программа ассимиляции была провозглашена в первую очередь не государственными официальными органами, а гражданскими организациями, которые участвовали в реализации национального проекта.

Упор на идентичность был ослаблен или, лучше сказать, преобразован по причине явной неэффективности морального подхода как метода социальной работы. Призывать действовать по чьему-то примеру было все равно что усугублять ситуацию, выдвигая на первый план действительные различия в характере различных типов «Я», демонстрировать или даже мобилизовать иррациональную природу человеческого поведения. На фоне такого разочарования спасительным было *научное переосмысление* социальной работы. Подтверждение ценности нейтралитета соединилось с рациональными объяснениями ранее необъяснимого поведения, и это открыло двери применению психологических, социологических и педагогических объяснений и методов коррекции. Среди них вновь получили признание те методы, в которых оставалось центральным «Я» социального работника, и в которых преобладали индивидуальные решения. Но это «Я» было теперь пересмотрено с позиций абстрактной готовности выслушивать, не осуждать и оставлять возможность окончательного выбора за объектом социальной работы. Именно в этом контексте требование научной независимости профессии социального работника постепенно одержало верх. Так, например, научное подтверждение женских качеств материнства послужило отправной точкой в обучении социальной работе в программе Алисы Саломон – пионера социальной работы в Германии.

С учетом этой позиции профессия социального работника стала соответствовать характеру современной жизни, приобрела способность к быстрому реагированию, и это отнюдь не сделало ее менее привлекательной для проек-

та государства-нации. Благодаря именно этой своей нейтральности социальная работа обеспечивала отдельные диагностические услуги для расистской политики социального обеспечения в нацистской Германии, приравниваясь к этому воплощению порочной националистической идеологии, режима власти, который использовал, эксплуатировал и согласовывал действия всех членов гражданского общества. Социальные работники того времени уже довольно далеко продвинулись в деле учреждения профессиональных агентств, которые стали своего рода научной элитой, позволившей Холокосту функционировать как совершенно рациональному, фабричному конвейеру [Bauman, 1989]. «Это был дух инструментальной рациональности, и современная, бюрократическая форма ее институционализации сделала решения в стиле Холокоста не только возможными, но и чрезвычайно “разумными”, а также увеличила вероятность их реализации» [Bauman, 1989. Р. 18]. «Видеть в людях людей» было недостаточно сильной защитой против действий этой системы, ведь она шла вразрез с критическим анализом политических последствий тех методов и политической системы в целом, расценивающих только некоторые типы людей как полноценных граждан и полноценных людей.

Эти тенденции упрочились после Второй мировой войны, когда европейские государства получили возможность развиваться самостоятельно. Как указывают, среди многих прочих авторов, Ригер и Лейбфрид: «Государство всеобщего благосостояния является наивысшей точкой в процессе становления нации... Государство всеобщего благосостояния предоставляет приоритет внутренней социальной и экономической политики в противовес мировому рынку и международной политике. Это противопоставление – результат как социальной, так и политической интеграции рабочего класса в национальное государство» [Rieger and Leibfried, 1998. Р. 367]. Именно в этот период были созданы предпосылки для профессионального прорыва социальной работы во многих странах, хотя и с существенными отличиями. В соответствии с типом режима социального обеспечения, установившегося в этих странах, применялись различные механизмы.

Универсальный режим, который в основном установился в Скандинавских странах, придавал особое значение праву пользоваться любому гражданину услугами социального обеспечения. Эта модель подразумевала сильный контроль экономики со стороны государства, а также высокую степень однородности среди тех, кто потребляет социальные услуги, что затрудняло возможность отчетливо сформулировать позицию относительно идентичности и различия. Корпоративная модель превалировала в Германии (в лучших традициях Бисмарка), а также в Нидерландах и Австрии, где услуги социального обеспечения были делегированы агентствам гражданского общества. Это повлекло за собой более высокую степень дифференциации и признание культурных различий, что, впрочем, не выходило за рамки государственных границ и прикрывалось необходимостью сохранять национальные особенности. Интересен такой факт: в этих странах государство,

культивируя идею социальной ответственности крупного капитала и промышленников, прилагало немало усилий для проведения с ними переговоров. Государство продвигало идею «плюрализма» и в службах социального обеспечения, внедряя принцип их вспомогательности, и считало работу этих служб излишне восприимчивой к глубоким социальным и экономическим разногласиям, что содержало угрозу стабильности всей системы.

Социальные работники, выполняющие свои функции в режиме корпоративного социального обеспечения, оказываются далеки от переднего плана социального расслоения и конфликтов между частной и общественной сферами, в отличие от их коллег, работающих в контексте социальной политики, устроенной по остаточному принципу, – ведь разделительная линия между этими сферами расплывчата и многослойна.

Конечно, одно из проявлений функционирования социальной работы в системе социального обеспечения по остаточному принципу, как в Великобритании, состоит в преувеличении значимости границы между частной и общественной сферами, что является политической проблемой, учитывая, что сама система предусматривает второстепенную роль социального обеспечения. Государство преднамеренно использует социальное обеспечение как защиту против дестабилизирующего воздействия поляризации труда и капитала; именно поэтому в Великобритании «иерархия профессиональных агентств была основанием для власти, применяемой социальными работниками, и основанием для применения власти по отношению к социальным работникам» [Howe, 1985]. Социальное обеспечение делится между теми, кто вынужден полагаться на государственную социальную поддержку, и теми, кто имеет средства, чтобы позаботиться о себе самостоятельно, или, по крайней мере, имеет какие-либо доходы. Эта система влечет стигму и конфликт независимо от того, насколько деликатно социальные работники пытаются сгладить их остроту своими методами работы.

Эти методы действительно имеют огромное значение как способы операционализации тех рамок социального обеспечения, в которых действуют социальные работники. Здесь появляется педагогическая парадигма, в значительной степени неизвестная в Великобритании, которая потенциально может снизить количество пробелов, представляющих постоянную опасность для парадигм психологии и прикладной социальной науки. Еще более существенный потенциал она имеет для формирования культурной идентичности. Или, точнее, она содержит в своей эпистемологии напряженные отношения и конфликты, которые в свою очередь ее сформировали. Социализация и приспособляемость внутри педагогической парадигмы, нежели внутри двух других парадигм, могут свободнее реализовываться в двух направлениях: приспособление индивидов к конкретной культуре или организация культурной среды, отвечающей потребностям, четко сформулированным индивидом или группой.

Поскольку различия между традициями социальной работы и системами ее реализации в странах Европы становятся все более очевидными вследствие

интеграции и развития программ сотрудничества (в которых, надо отметить, британские программы по подготовке социальных работников принимают активное участие), встают вопросы: что делать с этими различиями? Что они означают? Являются ли они вообще проблемой, и объясняется ли невозможность достичь согласия ошибками системы социальной работы? Существует ли конвергенция различий в характере социальной работы, или они разводят направления социальной работы еще дальше друг от друга?

Я хотел бы сказать, что получить ответы на эти вопросы и понять в полном объеме происходящие сейчас изменения в социальной работе можно только в контексте изменяющейся роли и функции национального государства. В свою очередь, изменение роли национального государства обусловливается его трансформирующимися отношениями с капиталистической экономикой. То, что мы видим сейчас на уровне национального государства, я считаю отступлением от тех условий компромисса, которые собственно и сформировали специфическую модель национального государства. Капитализм развивается сам по себе, обходясь от национального государства и полагаясь лишь на механизмы международного урегулирования. Действительно, внутри капитализма происходит раскол между миром производства и миром финансов: объем спекулятивных денежных сделок намного превышает объем товарообмена, а «согласно подсчетам Рене Пассе, объем чисто спекулятивных межвалютных финансовых сделок равен 1 300 миллиардам долларов в день – в пятьдесят раз больше, чем объем коммерческих обменов, и почти равен общему объему – 1 500 миллиардов, что составляет резервы национальных банков на мировом уровне» [Bauman, 1998b. Р. 66]. Это означает, что производство становится полностью зависимым от эффективности, максимизации прибыли и экстернализации всех социальных расходов¹. Государство, решая задачу перераспределения средств на социальные расходы, связанную с «уменьшением размеров» предприятий и соответствующим сокращением рабочей силы, стоит перед дилеммой. Поскольку налоги в основном взимаются с производств, а не с финансовых сделок (хотя именно в этой сфере прибыль растет), высокие уровни социальных трансфертов становятся препятствием для инвестирования в производство, в то время как снижение инвестиций, в свою очередь, повышает уровень социальных трансфертов. Асимметрия между чрезвычайной подвижностью капитала и относительной неподвижностью труда создает противоречия, столь типичные для глобализации: увеличение мобильности финансовой элиты и ограниченную мобильность тех, кто не имеет возможности быстро передвигаться во времени и пространстве.

Противоречия внутри капитализма и между капитализмом и национальным государством приводят к тому, что прежняя обеспокоенность государства-нации поддержанием социальной солидарности вытесняется новыми

¹ Экстернализация – игнорирование издержек для третьих лиц, в данном контексте – максимальное сокращение любых социальных расходов предприятия. – *Примеч. ред.*

асpekтами озабоченности по поводу сдерживания, контроля и социального исключения. Образно говоря, социальная работа избавляется от якорных цепей национальной солидарности, которые держали ее привязанной к национальному государству, и дрейфует в открытом море экономических потоков, как может показаться на первый взгляд, без руля. Противоречивые показатели состояния социальной работы в различных европейских странах можно связать с фрагментацией компромиссов, что я нахожу типичным для проекта национального государства. Это положение нуждается в кратком пояснении.

На уровне национального государства можно сделать следующие классификации и увидеть следующие полярности:

1. Политический баланс между либерализмом и коммунализмом разрушен, обе тенденции отпущены в самостоятельное плавание в противоположных направлениях по собственным транснациональным сферам. Увеличение либерализации капиталистической рыночной экономики вызвало возрождение идеологических позиций, напоминающих отдельные идеи классического либерализма, но при этом смешивающихся с экстремальными формами индивидуализма и расчетливого пренебрежения всем общественным. Одновременно на противоположном конце этой шкалы в усеченной форме вновь возникает коммунализм. Показательно, что коммунитаризм ¹, например, на протяжении всей своей истории, которая может быть прослежена и в общественных движениях XIX столетия, и традиционных представлениях об обществе, также мало обращается к государству, а если и обращается, то как к метафоре более крупного сообщества, акцентируясь на том, что сообщества, или общины, состоят из игнорирующих национальные границы групп, объединенных не географически, а по интересам. Действительно, политика социальных движений, выдвигающих для решения какую-либо конкретную проблему, стала мощной национальной и особенно интернациональной силой в определенных партийных коалициях, которые послужили основой для формирования национальных государств на начальной стадии их развития. Коммунализм же становится прибежищем социального возмущения, которое стремится к воссозданию национального государства как одностороннего сообщества трайбализма и ксенофобии.

В результате, однако, классовые отношения, установленные национальным государством между обоими полюсами, тоже ломаются. В итоге вновь возникает индивидуализм, но уже в форме так называемой бутстреп-идеологии ², чтобы проникнуть в те области, что прежде были защищены обязательствами коллективной классовой солидарности, сформировавшейся в классических конфронтациях индустриального мира, таких как профсо-

¹ Коммунализм – идеология, обосновывающая приоритет сообщества над индивидом. Коммунитаризм – политическое движение, идеология, выступающее за усиление гражданского общества и роли местных сообществ. – *Примеч. ред.*

² Бутстреп-идеология (*bootstrap ideology*) – идеология, обосновывающая роль индивидуального труда и усилий, отказ от любой помощи в достижении личного благополучия и процветания. – *Примеч. ред.*

юзы, общества единомышленников, досуговые организации. Элита и массы, предприниматели и коллективисты, капитал и труд больше не противостоят друг другу в рамках осознания ими своей взаимозависимости. Они дистанцируются друг от друга. Для людей, стремящихся воспользоваться шансами, которые им предоставляет не обремененный моральными обязательствами рыночный капитализм, остальные граждане, у которых нет выбора, уже ничего не значат – ни в качестве резервного запаса трудовой силы, ни даже в качестве серьезной социальной угрозы нестабильности. Ну, быть может, отдаленно – как возможные потребители досуга, который у них имеется в предостаточном, но никогда не востребованном запасе. Их требуется содержать и контролировать, и на рынке появляется специализирующийся на этом частный бизнес, ибо обеспечение порядка в государстве давно стало более узкой специализированной задачей. Разъединение политического процесса и посреднической роли национального государства переводит создание общественной солидарности и единства в сферу коммерческих сделок. «Приобретение» статуса гражданства больше не является простым моральным качеством, а принимает сугубо материальный облик с целью перехода в другую категорию, а именно в «потребление» гражданства внутри сообществ с новыми интересами, независимо от того, каким образом кто-то заработал и заработал ли вообще требуемые наличные деньги.

2. В равной степени пробелы в создании *культурной идентичности* слишком очевидны. Обычно это обсуждается в контексте роста масштабов иммиграции, которая повлияла на Европу: ведь легче обвинять иммигрантов в том, что они стали причиной превращения однородных национальных культур в гетерогенные, кризиса идентичности рядового гражданина. Такая точка зрения не признает факта возникновения новых отношений между национальным государством и капитализмом, которые послужили причиной трудовой мобильности в глобальном масштабе и разрушили миф о гомогенной национальной культуре. Описываемый кризис идентичности – это кризис конструирования однородной национальной идентичности. Он продиктован глобализирующейся экономикой, которая этот самый кризис и регулирует. Потребителям атрибутов стиля жизни, которые заменяют объекты культуры, дается противоречивая установка: они должны стать частью унифицированной мировой культуры и в то же время должны создать свой собственный индивидуальный стиль – дилемма, решить которую можно, делая покупки в сети магазинов «United Colors of Benetton».

3. Проблематика науки и образования также изменяется в соответствии с изменяющимся характером взаимодействий государства и экономики. Многие исследователи, которые работали в различных областях «чистой науки», подверглись воздействию коммерциализации, и только теперь поняли, как были удобны механизмы сотрудничества с национальным государством. Но утрата такого ориентира, как национальное государство влияет не только на организационную структуру исследования и создание научной

парадигмы. Начинают исчезать границы самих дискурсов, возникает ощущение относительности и субъективности, особенно в искусстве, которое ищет новых форм в постмодернизме и постструктурализме, форм, способных хотя бы в какой-то мере что-то объяснить. Разрушение национальных стереотипов, дискредитация маскировавшихся режимов власти – хотя правда о них была давно известна – канули в прошлое и расчистили пути для новых подходов, которым все равно еще предстоит пройти долгий путь. Наступило время разочарований и циничной оценки реальности.

А теперь вернемся к социальной работе и тем технологиям, которые изменили ее характер. В результате этих изменений собственные компромиссы социальной работы стали «трещать по швам», что наблюдается сейчас повсюду в Европе. Это не означает, что устоявшиеся полярные позиции возвращаются к своей первоначальной форме. Элементы, содержащиеся внутри такой структуры, становятся все более фрагментарными, оказываются под влиянием современных тенденций, в основном экономического характера:

1. Политические изменения потенциально открывают новые возможности для социальной работы избежать дихотомии индивидуализм – коммунизм, которая всегда в определенной мере ограничивала рамки социальной работы. С изменением влияния государства, с одной стороны, центр социальной работы со случаем (case work) сужается до границ кейс-менеджмента (case management), что и происходит сейчас в разных европейских странах. Кейс-менеджмент подразумевает, что только некоторые функции человека, даже не индивида в целом, необходимо принимать во внимание: соотношение потребностей и возможностей. С другой стороны, с изменением положения клиентов и потребителей услуг открываются возможности для новых форм коллективного действия, продвигаемых общественностью и группами пользователей, особенно в области прав на социальное обеспечение. Однако интегрирующий эффект влияния государства на задачи социальной работы снижается, или, по крайней мере, в него вторгаются экономические соображения, бюджетные ограничения, соображения прибыльности, менталитет покупателя. Государственные агентства формируют квазирыночные условия, которые неизбежно изменяют характер отношений по оси потребителя / поставщика социальных услуг даже там, где эти термины не используются. Однако нигде влияние государства полностью не исчезает, и социальная работа не стала свободным субъектом коммерческого обслуживания. Напротив, государство увеличило свой интерес к ней и контроль над ней в некоторых областях, особенно в области защиты детей. Но особенно это становится очевидным в тех сферах изменений, где задача социальной работы перемещается из потенциально демократического средства управления в принудительную область коммерческих и договорных сделок. Подобный сдвиг наблюдается во всех странах, но влияние этих изменений, несомненно, намного больше в системе остаточного социального обеспечения (как, например, в Великобритании). Как универсалистские, так и корпоративные режимы социального обеспечения, возможно, отражают большую готов-

ность общества сопровождать коммерциализацию демократическими средствами контроля: перемены подвергаются более интенсивному общественному обсуждению и изучению, чем в Великобритании. Это начало пути к отказу от присоединения к соглашению и менеджериализму, который стал заметным признаком социальной работы, например, в Нидерландах, где поставщики социальных услуг должны ежегодно бороться за контракты, предлагая свои четко сформулированные критерии эффективности.

2. В значительной степени социальная работа еще не готова к новому витку внимания к *идентичности*. «Подход, не принимающий во внимание расовые различия», укоренился во многих странах. Разрушение универсализма, на котором он был основан и начало которого было положено женским движением, имело благотворное влияние, но в то же время и таило определенные опасности. Прочные связи социальной работы с универсализмом национальной культуры часто игнорировались, а вместе с ними игнорировались и гендерные аспекты, проблемы равенства и солидарности, этнические и культурные разногласия. Неуверенные попытки найти критерии идентичности без национального фактора поощрили распространение неправильных выводов в духе эссенциализма. Там, где прежде национальная идентичность принималась как данность, заново обнаруженные различия часто воспринимались таким же образом. Понимание идентичности в социальной работе перешло в ее специализированные области, такие, как работа с иммигрантами, беженцами, попытки привнести антирасизм на повестку дня под лозунгами единства и равенства — и не только в Англии. Но признание разнородности, всякий раз, когда она отделялась от исторического и политического контекста, вело к новым противоречиям. В существующем контексте, когда утверждение идентичности становится частным вопросом, вопрос об идентичности в социальной работе мог бы ускорить приватизацию сферы социального обеспечения.

3. *Исчезновение больших нарративов*¹ в социальной работе, которые прочитывались на фоне распада на составные части компромиссов национального государства, также приводит к новым выводам. Да, конец гладиаторского подхода к методам социальной работы выглядит как решение проблемы, а постмодернистская деконструкция — разоблачение скрытых властных отношений в самой сердцевине теоретических моделей — может реактивировать эмансипаторные устои социальной работы. Но один из подводных камней этого проекта — замена методов процедурами. Есть свидетельства тому, что в целом ряде европейских стран программы подготовки социальных работников перешли на путь компетентностного подхода, причем очевидно, что эта тенденция отвечает общему переопределению социальных проблем как рисков, со всеми сопутствующими значениями инструментализации отношений профессионал — клиент. В то же самое время, и это

¹ Большой нарратив (grand narrative) — в данном контексте универсальная объединительная теория. — *Примеч. ред.*

очень существенно, дискурсы компетентности нигде так не распространились, как в Великобритании. Это происходит, я полагаю, потому, что политическая культура Великобритании особым образом влияет на фрагментацию политики и идеологии. Как ясно показали Доминелли и Хугвельт, технократизация социальной работы Великобритании – это не спасение от политики, а соблюдение ясной политической программы, что, в свою очередь, является ответом на новую договоренность между государством и капиталом [Dominelli, Hoogvelt, 1996].

Таким образом, нам необходимо обращать внимание не только на различия в теоретических структурах социальной работы, но и на их значение для конкретной политической программы.

Список литературы

- Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Cambridge: Polity Press, 1989.
- Bauman Z.* Searching for a centre that holds // *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash and R. Robertson (Eds). London: Sage, 1995.
- Bauman Z.* Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 1998a.
- Bauman Z.* Globalization. The human consequences. Cambridge: Polity Press, 1998b.
- Dominelli L., Hoogvelt A.* Globalisation and the Technocratisation of Social Work, *Critical Social Policy*. Issue 47. May, 1996. № 16(2). P. 45–61.
- Elsen S.* Gemeinwesenökonomie – eine Antwort auf Arbeitslosigkeit, Armut und soziale Ausgrenzung? Soziale Arbeit, Gemeinwesenarbeit und Gemeinwesenökonomie im Zeitalter der Globalisierung. Neuwied: Luchterhand, 1998.
- Heller A. and Fehér F.* The Postmodern Political Condition. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Howe D.* The segregation of women and their work in the personal social services // *Critical Social Policy*. 1985. Vol. 5. № 15. P. 21–35.
- Rieger E. and Leibfried S.* Welfare State Limits to Globalization // *Politics and Society*. 1998. Vol. 26 № 3. P. 363–390.
- Torfing J.* Workfare with welfare: recent reforms of the Danish welfare state // *Journal of European Social Policy*. 1999. Vol. 9. № 1. P. 5–28.

Вальтер А. Лоренц
PhD, профессор факультета социальной работы,
Свободный университет в Бользано, Италия
электронная почта: Walter.Lorenz@unibz.it
(Пер. с англ. Н. Бексаевой,
под. ред. Е. Решетниковой и Е. Ярской-Смирновой)
